

[...] The same complete impression was made by Rachmaninoff's Piano Trio in D minor, unfamiliar to us in its new edition, played at the 4th Chamber Evening of the Mecklenburg Quartet. The work is harmonious and noble in its outlines, both external and internal. Its early opus (the 9th) testifies to how quickly Rachmaninoff in his sound images "found himself." If we are not mistaken, the trio is dedicated to the memory of Tchaikovsky—and this dedication turned out to be as worthy as the dedication of the Tchaikovsky trio to the memory of Nikolai Rubinstein. In many ways, even their internal form is similar to them, although, while inferior to Tchaikovsky's trio in the brilliance of virtuoso technique (it is not for nothing that Tchaikovsky was haunted by the beloved image of a first-class virtuoso artist), Rachmaninoff's work is more sustained in a single elegiac-mournful tone. It is not disturbed by the graceful, capricious variations of the second movement, which further highlight the fundamental mood, full of noble expression and somewhat restrained sadness. From artist to artist, this is how this trio can be called. Some of the lengthiness of the first allegro, most noticeable in the repetitions of the final movement, is fully compensated by the laconic form of the finale. The impressive ovation accorded to the composer, who rendered the piano part with superb completeness, and which seemed to be a continuation of the most cordial reception he received during the performance of his Second Symphony at A. Zilot's concert, is a clear indication that Rachmaninoff has captivated our audience; his personality has become dear and close to them. Rachmaninoff's current appearance has revealed a musician—an artist of the best Western standard—a superb, original composer, and at the same time a serious and accomplished conductor and pianist. Such a serious balance of talents speaks of an artist of the highest calibre. - Rachmaninoff's Trio completely obliterated the vague impression left by Schillings's E minor string quartet, performed earlier. This is one of the composer's early works, "Moloch," only recently removed from the composer's portfolio. This, however, explains its lack of independence (the composer's musical ideas are almost inseparable from the vicious circle of reminiscences from "Tristan," "Die Meistersinger," and Lohengrin) and the rather harsh treatment of the chamber style. - The evening ended with Beethoven's F-major (Op. 59 No. 1) quartet, played with great taste in almost all parts. This marvellous example of chamber music is well known to the public. It can also serve as a model for another generation - the way Beethoven artistically dealt with a purely Russian folk theme (the finale), which was alien to him, in an era when no one in Russia suspected the true beauty of folk motifs and when in our country a popular print or an affected imitation of it was considered a "folk song". [Unsigned]

[Translation: Google]

Такое же цѣльное впечатлѣніе произ-вело и незнакомое намъ въ новой редакціи фортепیانное тріо d-moll Рахманинова, сыгран-ное въ IV камерномъ вечерѣ мекленбургскаго квартета. Произведеніе стройное и благород-ное по своимъ очертаніямъ и внѣшнимъ, и внутреннимъ. Ранній opus его (9-й) свидѣ-тельствуетъ о томъ, какъ скоро Рахманиновъ въ своихъ звуковыхъ образахъ «нашелъ са-мого себя». Если не ошибаемся, тріо посвя-щено памяти Чайковскаго-и это посвященіе оказалось столь же достойнымъ, какъи посвя-щеніе тріо Чайковскаго памяти Ник. Рубин-штейна. Во многомъ ихъ роднитъ даже внут-ренняя форма, хотя, уступая тріо Чайковскаго въ

блескъ виртуозной техники (недаромъ передъ Чайковскимъ носился любимый образъ первокласнаго виртуоза-художника), произ-веденіе Рахманинова болѣе выдержано въ одномъ элегически-скорбномъ тонѣ. Его не нарушаютъ и изящныя, капризныя варіаціи второй части, еще болѣе отгѣняющія основ-ное настроеніе, полное благороднаго выраже-нія, нѣсколько сдержанной печали. Отъ ху-дожника художнику такъ можно назвать это тріо. Нѣкоторыя длинноты перваго allegro, наиболѣе ощутительныя въ повтореніяхъ заклю-чительной части, вполнѣ искупаются лаконич ностью формы финала. Та внушительная овація, которая была устроена автору, съ превосход-ной законченностью передавшему фортепіан-ную партію, и которая явилась какъ бы продолженіемъ самаго радушнаго пріема его во время исполненія его 2-й симфоніи въ концертѣ А. Зилоти, - служить яснымъ показа-телемъ, что Рахманиновъ захватилъ нашу публику; его личность стала ей милой и близ-кой. Нынѣшнее появленіе Рахманинова пока-зало намъ музыканта - художника лучшаго западнаго образца — превосходный, своеобраз-ный композиторъ, онъ въ то же время серьез-ный и законченный дирижеръ и піанистъ. Такая серьезная уравновѣшенность дарованій говоритъ объ артистѣ высокой марки. - Тріо Рахманинова совершенно стушевало неопре-дѣленное впечатлѣніе, оставленное исполнен-нымъ передъ тѣмъ струннымъ квартетомъ e-moll Шиллингса. Это одно изъ раннихъ произведеній автора «Молоха», недавно только извлеченное изъ авторскаго портфеля. Этимъ, впрочемъ, объясняется его несамостоятель-ность (музыкальныя мысли автора, почти не могутъ выбиться изъ заколдованнаго круга реминисценцій изъ «Тристана», «Мейстерзин-геровъ» и Лознгрина») и жестковатая трак-товка камернаго стиля. - Вечеръ закончился F-dur'нымъ (ор. 59 № 1) квартетомъ Бетхо-вена, почти во всемъ сыгранномъ съ боль-шимъ вкусомъ, Этотъ дивный образецъ ка-мерной музыки хорошо извѣстенъ публикѣ. Онъ можетъ еще служить образцомъ въ другомъ родѣ какъ художественно обошелся Бетховень съ чуждой ему - русской чисто народной темой (финалъ) въ ту эпоху, когда объ истинныхъ красотахъ народныхъ моти-вовъ въ Россіи никто не подозрѣвалъ и когда за «народную пѣсню» у насъ признавался лубокъ или жеманная имитація ея.